

Коронерский суд выглядел скучно и заурядно: ни судей, увенчанных париками и возвышающихся над залом, ни места для обвиняемого, ни полицейского в форме, вызывающего следующего свидетеля. Больше похоже на обычный офис: застекленные шкафы с книгами, на полу линолеум, причем явно погрызенный в углу.

За стенами суда жизнь шла своим чередом. На них никто не обращал внимания. Мимо проезжали автобусы. Мужчина в такси читал газету и даже глаз не поднял, когда на улицу из здания суда вышли несколько мужчин и две женщины в черном.

Они в любом случае надели бы черное, ведь сегодняшнее мероприятие требовало официального стиля в одежде. Эшлинг была в черном бархатном блейзере поверх серого платья, и этот наряд еще сильнее подчеркивал ее рыжие волосы. Элизабет надела черное пальто на выход, купленное за полцены на январской распродаже два года назад. Продащица тогда сказала, что это единственная действительно стоящая вещь во всем магазине, и добавила: «В таком пальто можно пойти куда угодно!» Элизабет понравились эти слова.

Хотя остальному миру до них не было дела, мужчины возле здания суда наблюдали за женщинами. Элизабет, прикрывая глаза рукой, завернула за угол и вышла на ступеньки, ведущие на улицу. Там уже стояла Эшлинг. Они смотрели друг на друга очень долго, может быть несколько секунд, но и секунды могут тянуться целую вечность...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1940–1945

ГЛАВА 1

Дочитав библиотечную книгу, Вайолет резко захлопнула ее. Еще одна неуверенная в себе, нервная героиня с куриными мозгами по уши влюбилась в опытного сердцееда, заглушающего ее протесты поцелуями и проявляющего свою страсть множеством милых способов. Он устроит им побег, или свадьбу, или эмиграцию в собственное поместье в Южной Америке. Героине не придется и пальцем пошевелить: никаких тебе стояний в очередях в турагентстве, в билетной кассе, в паспортном столе. А вот Вайолет вынуждена все делать сама. Она только что вернулась домой, потратив все утро на беготню по магазинам в попытках купить что-нибудь дефицитное. Другие женщины, похоже, делали это с удовольствием, будто играли в «найди наперсток»: «я скажу тебе, где взять хлеб, если ты скажешь мне, где купила морковь».

Вайолет заходила в школу, но разговор с мисс Джеймс результатов не дал. Мисс Джеймс вовсе не собиралась организовывать эвакуацию для своих учеников. У всех родителей имелись друзья или родственники в деревне, поэтому вариант вывезти весь класс для продолжения образования куда-нибудь в безопасное место, где не падают бомбы и полно здоровой деревенской еды, даже не рассматривался. Мисс Джеймс довольно кисло заявила, что у мистера и миссис Уайт наверняка есть друзья за пределами Лондона. Вайолет вдруг задумалась, а есть ли у нее вообще друзья хоть где-нибудь, в городе или в деревне, и разозлилась на мисс Джеймс, заставившую осознать возможность отрицательного ответа. С родней Джорджа в Сомерсете, возле

Уэльса, они давно не общались. О да, конечно, она читала душеспитательные истории про воссоединение давно потерянных родственников ради эвакуации детей, но вряд ли их семья станет героями одной из них.

У самой Вайолет родни практически не осталось. Отец и его вторая жена жили в Ливерпуле, и с ними она так давно в ссоре, что о примирении и мечтать не стоило. Ведь тогда пришлось бы вскрыть старую рану, извлечь обиды на поверхность и простить. Все произошло так давно, что почти забылось, и не стоит ворошить прошлое.

Элизабет такая застенчивая и неуверенная в себе девочка, что в эвакуации ей будет нелегко. Унаследовала отцовскую неуклюжесть, с сожалением подумала Вайолет. Казалось, что Элизабет всегда ожидает худшего. Впрочем, возможно, так лучше, чем ожидать много, а получить мало. Может быть, Элизабет и Джордж везунчики: если изначально быть настроенным на поражение, конфликты и вторые роли, то неудача не становится неприятной неожиданностью, когда случается.

Обсуждать вопрос с Джорджем смысла не имело. В последнее время Джордж мог говорить только о том, что ж это за страна такая, в которой принимают на военную службу человека без мозгов и отказывают такому, как Джордж, способному внести весомый вклад. И без того противно, что какие-то пустоголовые молокососы считаются хорошими работниками в банке, получают продвижение и благосклонность начальства и даже покупают машины, но теперь, когда над страной нависла угроза и нация в опасности, Джорджу заявляют, что некоторые отрасли исключительно важны — и банки в том числе.

На медосмотре у него не обнаружили смертельных заболеваний, нашли всего лишь мелкие: плоскостопие, хрипы в легких, проблемы с носовыми пазухами, варикоз и легкую одностороннюю тугоухость. В ответ на предложение отдать жизнь за отечество Джорджа осыпали оскорблениями.

Время от времени на Вайолет снова накатывала знакомая волна привязанности к мужу и тоже хотелось злиться за такое к нему отношение, но в основном она считала, что

большей частью виноват он сам: не в том, что глуховат и болен варикозом, а в том, что разочарован отказом. Сам напросился, что называется.

В общем, вопрос, что делать с Элизабет, Вайолет придется решать самостоятельно. Как и многие другие вопросы.

Вайолет встала и внимательно посмотрела на свое отражение в зеркале. Вполне приятное лицо: здоровый цвет кожи, в полном согласии с рекомендациями в журналах, светлые волосы натуральной блондинки. А фигурка у нее всегда была хороша. Даже до того, как пришлось затянуть пояса и проявить патриотизм из-за этой ужасной войны, Вайолет следила за питанием. Почему же тогда в лице нет живости? Какое-то оно совершенно потухшее. И ничем не примечательное.

«Еще бы ему не потухнуть!» — подумала Вайолет с внезапно накотившей обидой. Если бы кому-нибудь еще выпало такое же невезение по всем фронтам, то у кого угодно лицо выглядело бы ничуть не лучше. Парень, говоривший ей, что у нее фиолетовые глаза, в полном соответствии с ее именем, оказался мошенником и надул всех в округе. Молодой человек, твердивший, что она должна стать профессиональной певицей, на самом деле хотел, чтобы она пела для него в ванне, пока он наливает ей шампанское. Молодой энергичный банкир, который рассказывал ей, как они вместе поднимутся на самый верх лондонского общества, как все будут знать ее имя и завидовать ее удачливому мужу, теперь уже с плоскостопием и варикозом, ковырялся в зубах и бездельничал в местном отделении банка, где и просидит всю оставшуюся жизнь.

Все оказалось совсем не так, сплошная скука. Все было ужасно несправедливо и совершенно ничем не примечательно. Неудивительно, что ее лицо не выделялось на фоне других лиц.

Она посмотрела на книгу. Под прозрачной библиотечной обложкой покоритель женских сердец, с хлыстом в руке, прислонился к сучковатому стволу старой яблони. Сажать надо авторов за такие романы, подумала Вайолет.

Элизабет медленно брела из школы домой. Мисс Джеймс сказала, что мама заходила кое-что обсудить и что не надо волноваться, ничего страшного не случилось. Элизабет посмотрела на нее с сомнением. Да нет же, заверила мисс Джеймс, мама Элизабет приходила только для того, чтобы поговорить, что будет, когда все дети уедут из города в тихие места на море или на фермы. Но Элизабет не проведешь, она поняла: произойдет что-то страшное, что-то, о чем родители безуспешно пытались шутить, а сами говорили с ужасом, словно про пытки какие-то.

Услышав это слово впервые, Элизабет спутала его с «вакцинацией»: такое же длинное и вызывает ощущение опасности. Отец засмеялся и обнял ее, мама тоже улыбнулась. Нет, объяснили родители, эвакуация — это когда отправляют в деревню, чтобы падающие бомбы не навредили детям. Элизабет не понимала, почему родители не могут поехать в деревню вместе с ней. Отец ответил, что ему нужно ходить на работу в банк, а мама всхлипнула — и внезапно короткое веселье, вызванное перепутанными словами, закончилось. Отец сказал, что мама может поехать в деревню, ведь ей не надо ходить на работу. Мама в ответ заявила, что если бы она ходила на работу, то ей не пришлось бы оставаться никем целых пятнадцать лет.

Отговорившись уроками, Элизабет сбежала от них, но на самом деле достала старую куклу и принялась распарывать ее, стежок за стежком, заливаясь слезами и размышляя, что она могла бы сделать, чтобы снова заставить родителей улыбнуться, и что такого она натворила, раз они постоянно злятся.

А сегодня в ее сердце поселился еще один страх: кажется, мама из-за чего-то поругалась с мисс Джеймс. Мама и раньше считала мисс Джеймс глупой, поскольку та заставляла учеников петь детские песенки. «Здоровые девчонки десяти лет от роду поют дурацкие малышковые песенки!» — заявила мама, и мисс Джеймс вежливо ей ответила, но петь уже как-то расхотелось...

Элизабет не могла предсказать, когда мама будет счастлива. Иногда она бывала счастлива целыми днями. Одна-

жды они ходили в мюзик-холл, где мама встретила старого знакомого, который сказал, что она когда-то пела лучше, чем любая певица в Лондоне. Отец слегка разозлился, но мама так радовалась, что даже предложила купить на ужин рыбу с жареной картошкой, и он тоже повеселел. Мама редко предлагала купить рыбу с картошкой, как делали в других семьях. А дома она готовила рыбу маленькими кусочками с кучей косточек, и есть приходилось странными ножами, которые даже и не ножи вовсе. Мама обожала эти ножи. Их подарили им с отцом на свадьбу, и она предупредила всех, что при мытье посуды ручки ножей нельзя опускать в воду. Элизабет не любила приготовленную матерью рыбу, костлявую, посыпанную сверху петрушкой, но радовалась такому ужину, потому что при виде ножей мама всегда приходила в хорошее настроение.

Порой, вернувшись домой после уроков, Элизабет заставала маму поющей, что всегда оказывалось поистине счастливым знамением. Еще бывало, что мама приходила в комнату к Элизабет, садилась на кровать, гладила тонкие светлые волосы дочери и говорила о своем детстве и о том, как читала книги про мужчин, совершающих героические подвиги ради прекрасных женщин, а иногда рассказывала смешные истории про монахинь в необычной монастырской школе, где все были католиками и верили в самые невероятные вещи, но маме разрешали гулять во время уроков по религии, а потому все было просто удивительно.

Вот только никогда не знаешь, обрадуется мама чему-нибудь или нет.

Сегодня мама писала письмо, что случалось нечасто. Элизабет подумала, что в письме может быть жалоба. Хоть бы не на мисс Джеймс!

— Мама, ты занята? — спросила Элизабет, настойчиво подойдя поближе.

— Мм... — пробормотала Вайолет.

Худенькая десятилетняя девочка стояла около стола; ее короткие светлые, почти белые, волосы стягивал ободок, но,

когда Элизабет нервничала, как сейчас, маленькие прядки выбивались и торчали, словно шипы. Ее лицо было одновременно белым и красным: вокруг носа и глаз бледным, а щеки горели алым.

— Я собираюсь отправить тебя к Эйлин, — сообщила мама.

Имя Эйлин Элизабет знала по рождественским открыткам, а еще по маленьким дешевым игрушкам на день рождения. В прошлом году мама сказала, что лучше бы Эйлин перестала слать ей подарки, сколько можно уже, ведь у самой Эйлин куча детей, где тут упомянуть, кто из них когда родился?

— Другого выбора нет, — добавила мама.

На глаза Элизабет навернулись слезы. Если бы только знать, что можно сделать, чтобы остаться! Вот если бы ей повезло быть одной из тех девочек, кого родители не отсылают из города, или если бы они поехали вместе с ней.

— Ты поедешь со мной? — спросила Элизабет, пристально изучая ковер на полу.

— Господи, милая, нет, конечно!

— Ну может быть...

— Элизабет, не глупи! Я никак не могу поехать с тобой к О'Коннора. Они в Ирландии живут! Ну кто поедет в Ирландию? Об этом и речи быть не может.

В четверг всегда царила суматоха, потому что фермеры, приезжающие на рынок, приходили с целыми списками покупок. Шон нанял глуповатого мальчишку по имени Джемми, чтобы помогал выносить товары со двора.

Эшлинг и Имон, увернувшись от бестолковых попыток Пегги схватить их и не обращая внимания на ее вопли, ворвались в лавку. Шон раздраженно вытер пыльной рукой вспотевший лоб. Ведь тысячу раз говорил, чтобы по четвергам детишки не мешались под ногами в лавке!

— Папаня, где маманя? Где маманя? — кричала Эшлинг.

— Где маманя? Где маманя? — вторил ей Имон.

Пегги вела себя ничуть не лучше: бежала за ними и хихикала.

— Эй вы, сорванцы, подите сюда! Вот уж я тебя, Эшлинг, поймаю да шкуру-то спущу! Вам папаня сколько раз говорил, что запрет вас, если будете бегать в лавку по четвергам!

Фермеры, люди занятые и ненавидевшие тратить время на что бы то ни было, кроме сделок и обсуждений скотины, хохотали над представлением. Растрепанная Пегги, в грязном фартуке со следами по меньшей мере двадцати поданных трапез, наслаждалась устроенной шумихой. Шон беспомощно наблюдал, как она мечется туда-сюда, забавляясь погоней даже больше, чем дети, а заодно задорно подмигивая фермерам, всем своим видом намекая, что они могут вернуться и найти ее после закрытия рынка, когда выпитое в пабах пиво превратит их в могучих мужиков.

Восхищенный Джемми стоял с разинутым ртом, держа в руках доски, которые следовало погрузить в прицеп.

— Джемми, так тебя и растак, вытащи доски на улицу и поди сюда! — заревел Шон. — Майкл, не обращай внимания на этот балаган! С ними я потом разберусь. Так сколько тебе нужно для штукатурки? Ты сразу все сараи делать будешь? Нет, разумеется, не все, слишком много, чтобы браться за все сразу.

Эйлин услышала шум и выбежала из своего маленького кабинетика в лавку. Однажды Шон-младший заметил, что ее кабинет, отделанный красным деревом и со стеклянными окнами со всех сторон, похож на кафедру священника, отгороженную стенами, и ей бы в лавке проповеди читать, а не бухгалтерские книги заполнять. Однако если бы Эйлин не заполняла бухгалтерские книги, то не было бы ни лавки, ни дома, ни такой роскоши, как Пегги и Джемми, который за несколько шиллингов, заработанных по четвергам, вновь вернул себе уважение семьи.

Взбурдаженных детей и раскрасневшуюся Пегги Эйлин встретила с каменным лицом. Подхватив каждого ре-

бенка чуть ниже плеча, чтобы уж точно не ускользнул, она твердо выставила их из лавки. Одного взгляда хозяйки хватило, чтобы Пегги, растеряв бóльшую часть бойкости, опустила глаза и последовала за ней. Шон вздохнул с облегчением и вернулся к делам, с которыми умел управляться.

Пока она тащила их по ступенькам дома на площади, детишки пищали и вырывались, но Эйлин оставалась непреклонной.

— Пегги, завари, пожалуйста, чай, — холодно произнесла она.

— Мама, мы просто хотели показать тебе письмо!

— На нем мужчина нарисован.

— После обеда почтальон принес.

— И сказал, что оно из Англии...

— А нарисованный мужчина — это английский король.

Эйлин, пропустив объяснения мимо ушей, усадила детей на стулья в гостиной и сама села напротив:

— Я уже миллион раз говорила вам, чтобы по четвергам, в рыночный день, вы в лавку носа не казали! А теперь отец сидит и ждет, когда я вернусь, чтобы заняться счетами и внести в данные в бухгалтерские книги для фермеров. Вы родителей совсем не слушаете? Эшлинг, ты уже большая, взрослая девочка в твои-то десять лет! Ты меня вообще слышишь?

Эшлинг не слышала ни слова, она хотела, чтобы мать прочитала письмо, которое, наверное, пришло от английского короля, потому что так сказал почтальон.

— Эшлинг, ты что, оглохла?! — закричала Эйлин и, поняв, что толку нет, шлепнула обоих по голым ногам. Сильно шлепнула. Оба заревели. От их рева проснулась Ниям и тоже заплакала в кроватке в углу гостиной.

— Я просто хотела отдать тебе письмо! — выла Эшлинг. — Ненавижу тебя, ненавижу!

— И я, и я тебя ненавижу! — вторил Имон.

— Тогда можете сидеть тут и ненавидеть меня, — наплевываясь к двери, решительно заявила Эйлин.

Она старалась не повышать голоса, поскольку малыш Донал наверняка сидит в постели и прислушивается к каждому звуку. От одной мысли о его встревоженном личике сердце Эйлин сжалось, и она бросилась вверх. Если она повидает его, скажет ему что-нибудь ободряющее, то он улыбнется и снова примется за книжку, а иначе прижмется носом к окну спальни, напряженно наблюдая, как она возвращается из дома в лавку.

Эйлин осторожно заглянула в дверь, прекрасно зная, что он не спит:

— Зайчонок, ты бы поспал.

— Что там за крики? — спросил он.

— Твои нахальные братец с сестричкой с воплями вломились в лавку в четверг, вот и все, — ответила она, поправляя одеяло.

— Они уже попросили прощения? — с надеждой спросил Донал.

— Пока нет.

— И что теперь с ними будет?

— Да ничего страшного, — сказала она и утешила его поцелуем.

Когда Эйлин вернулась в гостиную, Эшлинг и Имон все еще были настроены бунтовать.

— Пегги звала нас пить чай, но мы не пошли, — заявила Эшлинг.

— Как хотите. Можете сидеть здесь сколько угодно. Вот до ночи и сидите. Потому что за такое поведение вы сегодня лимонада не получите.

Брат и сестра остолбенели от разочарования, не поверив своим ушам. Каждый четверг, набрав кучу заказов и набив кассу наличными, Шон О'Коннор брал жену и детей к Махерам. Махеры держали лавку одежды и паб, где было тихо, никаких фермеров, притопавших в грязных сапогах, чтобы скрепить заключенные сделки кружкой пива. Эйлин, в компании с миссис Махер, любила рассматривать новые жакеты и кофты. Шону-младшему и Морин нравилось си-

деть на высоких табуретах, читая объявления, развешенные над барной стойкой, и притворяться взрослыми. Эшлинг и Имон обожали красный лимонад с пузырьками, которые били в нос, а мистер Махер угощал их глазированным печеньем, и отец ворчал, что они избалованные. У Махеров недавно окотилась кошка, и в прошлый четверг котята еще были слепые, а на этой неделе с ними впервые можно будет поиграть. А теперь вдруг все отменяется...

— Мама, пожалуйста, ну пожалуйста, я буду хорошо себя вести, обещаю...

— Ты же меня ненавидишь?

— Я понарошку сказал, — с надеждой в голосе признался Имон.

— Да разве можно ненавидеть собственную мать! — добавила Эшлинг.

— Я так и думала, — сказала Эйлин. — Именно поэтому я и удивилась, что вы оба совершенно забыли о запрете приходить в лавку.

Эйлин сдалась. Час, проведенный у Махеров с отмытыми и благопристойными детьми, которые тихонько играют с кошками, кроликами или птичками, был единственным временем за всю неделю, когда Шон мог по-настоящему расслабиться.

— Я залила чайные пакетики кипятком, — робко сказала Пегги.

— Налей мне, пожалуйста, большую кружку. Проследи, чтобы эти двое сидели в гостиной, и успокой малышку.

Глотнув чая, Эйлин положила письмо в карман и вернулась в лавку. Возможность открыть конверт выдалась только через час.

Вечером, у Махеров, Эйлин передала письмо Шону.

— У меня глаза устали, все расплывается, — сказал он. — Да и как такое читать, тут словно пьяный паук паутину наплел.

— Это рукописные буквы, дурень. Монахини в школе Святого Марка учили нас так писать. Вайолет вот помнит, а я все забыла.

— Да потому что Вайолет делать больше нечего, — проворчал Шон. — Она там как сыр в масле катается.

— Так было до войны, — возразила Эйлин.

— Да уж, — буркнул Шон в свою кружку с пивом. — Мужика ее забрали? Небось офицер в банке работал, и все такое. Именно так Британская империя и проворачивает свои делишки. Хорошую работу и должности получают те, у кого есть правильный акцент.

— Нет, Джорджа в армию не взяли, проблему какую-то нашли. Точно не знаю, но он не прошел медкомиссию.

— Ну так кто ж добровольно пойдет в окопы, если можно в банке штаны протирать.

— Шон, речь идет об Элизабет, дочке Вайолет. Всех детей отсылают из Лондона из-за бомбежек... Ты же читал в газетах. Вайолет спрашивает, можем ли мы принять ее на время?

— А мы тут при чем? Они же детей не в Ирландию вывозят, у нас своя страна. Они не могут заставить нас вступить в свою поганую войну, отправляя к нам стариков и детей... Мало им всего, что они тут натворили?

— Шон, да послушай же! — разозлилась Эйлин. — Вайолет спрашивает, можно ли отправить к нам Элизабет на несколько месяцев. Ее маленькая школа закрывается, потому что всех детей эвакуировали. У Джорджа и Вайолет есть родня, но они... они просят нас позаботиться о дочке. Что скажешь?

— Скажу, что они, как обычно, что хотят, то и вытворяют, вся эта Британская империя! Если от тебя им никакой пользы, то им и дела до тебя нет, ни письма не напишут, ни открытки на Рождество не пришлют. А теперь, когда они ввязались в дурацкую войну, вот теперь они к нам подлизываются. Я так думаю.

— Да при чем тут Британская империя! Мы с Вайолет школьные подруги. Она не из тех, кто любит писать письма, даже это письмо такое неуклюжее, ну не знаю, сплошь скобки и точки с запятыми. Она не привыкла писать по два-

дцать-тридцать писем в день, как я. Дело вообще не в этом. Дело в том, согласишься ли ты принять девочку?

— Дело не в этом, а в том, что у нее хватает наглости спрашивать такое!

— Мне ответить отказом? Написать ей, что, извини, мы не можем. И по какой же причине? Поскольку Шон заявляет, что у Британской империи руки в крови, так, что ли?

— Ну чего ты завелась...

— Я не завелась. Я тоже вымоталась за сегодня, как и ты. Хорошо. Конечно, я думаю, что Вайолет ведет себя нагло. Конечно, мне обидно, что у нее нет на меня времени и пишет она мне только тогда, когда ей что-то от меня нужно. Тут и так все понятно. Вопрос в том, примем ли мы ребенка? Девочка — ровесница Эшлинг, она не объявляла войну Германии, не вторгалась в Ирландию, не нападала на де Валеру¹, и все такое прочее. Ей всего десять лет! Она, наверное, лежит там по ночам и ждет, когда на нее упадет бомба и разорвет ее на кусочки. Ну так что, примем мы ее?

Шон смотрел на жену в полном изумлении. В кои-то веки Эйлин разразилась целой речью. А уж дожидаться, чтобы она признала обиду на свою драгоценную школьную подругу...

— А тебе с ней не слишком много хлопот прибавится? — спросил он.

— Нет, она даже может стать подружкой для Эшлинг. Да и много ли надо, чтобы прокормить одного ребенка, когда у нас их уже столько?

Шон заказал себе еще кружку пива, портвейн для Эйлин и лимонад детям. Посмотрел на жену, приодетую в белую блузку с брошкой и стянувшую темно-рыжие волосы гребешками по бокам. А ведь красавица, подумал он, и надежный товарищ во всех делах. Те, кто видел ее в темно-синем костюме в кабинете, занятую счетами растущего бизне-

---

¹ *Имон де Валера* (1882–1975) — ирландский политический и государственный деятель; один из лидеров борьбы за независимость Ирландии, в том числе один из руководителей Пасхального восстания 1916 года, после подавления которого был арестован британцами.

са, вряд ли мог себе представить, какова она на самом деле: страстная жена — Шон всегда удивлялся, с какой готовностью она отвечала ему, — и любящая мать. Его взгляд потеплел. Такая щедрая душа, готова быть матерью не только собственным детям.

— Пусть приезжает. Хоть такой малостью попытаемся уберечь дитя от всего этого безумия вокруг, — объявил он.

Эйлин похлопала его по руке, в редком порыве прилюдного проявления чувств.

Письмо от Эйлин пришло так быстро, что в нем наверняка был отказ. По опыту Вайолет, те, кто собирался найти отговорки для обоснования своих действий, всегда писали быстро и много. Вздохнув, она подняла конверт с коврика у двери.

— Похоже, нам все-таки придется нажать на родственников твоего отца, — сказала она, возвратившись к столу.

— То есть она отказала? — спросила Элизабет. — Прочитай письмо, а вдруг она согласилась.

— Не разговаривай с набитым ртом! Элизабет, пожалуйста, возьми салфетку и постарайся вести себя подобающе, — рассеянно ответила Вайолет, разрезая ножом конверт.

Джордж уже ушел на работу, и завтракали они вдвоем. Вайолет считала, что отступление от правил приличия — это путь к падению, а потому тосты со срезанной корочкой подавались в фарфоровом держателе для тостов, а каждому члену семьи полагалось собственное кольцо для салфетки, куда следовало положить свернутую салфетку после еды.

Элизабет чуть не лопнула от нетерпения, ожидая, пока Вайолет прочтет новости. Да что ж такое, в самом деле! Мама произносила отдельные фразы вслух, а потом переходила на бормотание:

— Дорогая Вайолет... очень рада получить от тебя весточку... хм... мм... сильно переживаю за тебя, Джорджа и Эли-

забет... хм... мм... здесь многие думают, что нам следует тоже вступить в войну... сделаем все возможное... дети безумно рады и взволнованы...

Элизабет знала, что придется подождать. Она скрутила салфетку в тугий шарик, размышляя, что бы ей хотелось услышать. Хорошо бы не пришлось плыть через море в другую страну, где, по мнению отца, так же опасно, как в Лондоне, а мама считает, что ехать туда можно только в том случае, если больше совсем деваться некуда. Ей придется жить в ужасном свинарнике с десятками детей, в городе, полном кашешек животных и пьяниц, — таким мама запомнила Килгаррет. Элизабет не хотела жить в каком-то грязном месте, которое не нравится маме, но ведь мама сказала, что лучше всего поехать туда. Возможно, теперь все не так плохо. Мама побывала там много лет назад, задолго до того, как вышла замуж за отца. И говорила, что больше никогда туда не вернется. Непонятно, как Эйлин способна там оставаться.

Однако выбора нет: либо ехать в то опасное и грязное место, либо новые проблемы и волнения в попытках разыскать родню отца.

После долгой паузы, прочитав две страницы, Вайолет сказала:

— Они примут тебя.

Лицо Элизабет залилось краской и побледнело одновременно. Вайолет терпеть не могла, когда дочь так вспыхивала из-за пустяков.

— Когда я должна поехать?

— Когда мы решим. Конечно, потребуется время. Нужно собрать вещи, спросить Эйлин про учебники... и что вообще тебе взять с собой. Она много написала про то, как они рады тебя принять, но почти ничего полезного не сообщила, никаких советов, что именно привезти и что тебе там понадобится. Кстати, вот записка для тебя...

Элизабет взяла листочек. Впервые в жизни она получила письмо от кого-то и читала медленно, впитывая каждое слово.

Бинчи М.

Б 62   Зажги свечу : роман / Мейв Бинчи ; пер. с англ. О. Василенко. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 672 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-23769-8

Ирландская писательница и журналистка Мейв Бинчи (1940–2012) хорошо известна не только на своей родине, но и во всем мире. Перу Бинчи, помимо рассказов, принадлежит 16 романов, ее книги неизменно становились бестселлерами и не раз получали престижные международные премии. В 1970-х годах Бинчи опубликовала три сборника рассказов, и довольно успешно, но настоящая слава пришла к ней после выхода первого романа «Зажги свечу» (1982).

В книге рассказана история двух подруг, их постепенного взросления на фоне событий, происходящих в 1940–1950-е годы на Британских островах, где, помимо прочего, сталкиваются два очень разных мира: урбанистическая Англия и патриархальная католическая Ирландия.

Элизабет было всего десять лет, когда ей пришлось покинуть родной дом. В Европе шла война, Лондон бомбили, и родители решили отправить дочь в более безопасное место — в далекий ирландский городок. Девочку приютила большая, многодетная, суматошная семья, и жизнь Элизабет совершенно изменилась. Но самое главное — у нее появилась близкая подруга Эшлинг. Они сумели сохранить дружбу на долгие годы, веря, что их отношения выдержат любые трудности и испытания...

Впервые на русском!

УДК 821.111

ББК 84(4Ирл)-44

МЕЙВ БИНЧИ
ЗАЖГИ СВЕЧУ

Ответственный редактор Янина Жухлина
Редактор Ольга Рейнгерверц
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Александр Киселев, Ульяна Смирнова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 30.01.2024.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 41,16. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-A88-32724-01-R